

Ильина Галина Геннадьевна, Мышкина Альбина Федоровна

ТРАДИЦИОННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЧУВАШЕЙ О ФОЛЬКЛОРНОМ ПЕРСОНАЖЕ ИНКЕК

В последнее время на страницах периодической печати регулярно появляются статьи, и не всегда научного характера, посвященные традиционным верованиям чувашей, древнечувашскому пантеону и пандемониуму. В этой связи нам представляется изучение устоявшихся в чувашском устном поэтическом творчестве персонажей нижнего мира весьма актуальным. В рамках данного исследования затронута конкретная проблема - мистико-мифологические представления чувашей о фольклорном персонаже Инкек.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/6-3/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(72): в 3-х ч. Ч. 3. С. 23-25. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/6-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 398.41

В последнее время на страницах периодической печати регулярно появляются статьи, и не всегда научного характера, посвященные традиционным верованиям чувашей, древнечувашскому пантеону и пандемониуму. В этой связи нам представляется изучение устоявшихся в чувашском устном поэтическом творчестве персонажей нижнего мира весьма актуальным. В рамках данного исследования затронута конкретная проблема – мистико-мифологические представления чувашей о фольклорном персонаже Инкек.

Ключевые слова и фразы: мифологический персонаж; фольклорный персонаж; злокозненные действия; ритуалы изгнания; локусы; внешний облик.

Ильина Галина Геннадьевна, к. филол. н.

Мышкина Альбина Федоровна, д. филол. н., доцент

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

galiil69@mail.ru; alb-myshkina@mail.ru

ТРАДИЦИОННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЧУВАШЕЙ О ФОЛЬКЛОРНОМ ПЕРСОНАЖЕ *ИНКЕК*

Фольклор всегда уходит вглубь древности, опирается на мифологические, философские и религиозно-суеверные представления народа. Поэтому и любой фольклорный текст, персонаж следует исследовать на стыке различных научных дисциплин. К примеру, изучение чувашской демонологии, тесно связанной с областью истории и этнографии, не может быть полной без анализа духовного прошлого чувашского народа. Наши некоторые обобщения в этом направлении уже представлены в других научных статьях [5; 7], в которых отмечалось, в частности, что «одним из фиксаторов мистико-мифологических поверий, наряду с фольклорными текстами разного жанра и произведениями художественной литературы, являются толковые словари языка» [7, с. 135], а значит они (фольклор, литература, лексикография) выступают в качестве источников доступной информации для научного анализа.

Данная работа посвящена особенностям образа *Инкек* в различных фольклорных жанрах. Сведения об этом персонаже, как касающиеся его мифологических функций, облика и тому подобного, так и территориального обитания, чрезвычайно скудны. В основу плана статьи положена схема описания мифологических персонажей (МП), разработанная Л. Н. Виноградовой, А. В. Гурой, Г. И. Кабаковой, О. Я. Терновской, С. М. Толстой, В. В. Усачевой [3].

Названия. Имена. Интерпретации. *Инкек* – это бедствие, беда, несчастье. В выражении «Усал ура тупанёнчен сиксе тухать». / букв. «Инкек выпрыгивает из-под ступни» (здесь и далее перевод авторов статьи – Г. И., А. М.) под именем *Усал* скрывается такой фольклорный персонаж, как *Инкек*. В данном случае демоним *Усал* является подставным именем *Инкек*. Ср. «Инкек ура айёнчен тухать, тет» [12, с. 59]. / «Говорят, Инкек выходит из-под ног». Известно, что ввиду наложенного табу на конкретное имя персонажа, так как назвать персонажа по имени – равносильно призвать его, в фольклорных текстах в качестве подставных часто выступают слова *усал, леш, темёскер / зло, тот, нечто* и др.

В словаре Н. И. Ашмарина *Инкек* – это название злого духа [1, с. 124]. В исследованиях М. Р. Федотова упоминается фонетический вариант названия данного персонажа *Имкек* [10, с. 168]. В работе В. К. Магницкого *Инкек* встречается в молитве «Саваш курки»: «...Тор, эс пире пур *усалтан, инкекрен, синкертен* сирсе яр» [6, с. 60]. / «Бог, отведи ты нас от всякого зла, бедствий, несчастий». Данный МП зафиксирован в работах В. К. Магницкого, Н. И. Золотницкого, Н. В. Никольского следующим образом: «*Инкек сўретекен*» / «производящий наказание», «водитель бедствий» [Там же, с. 80]; «насылающий бедствие» [9, с. 60]; «*сол инкекё*» / «дорожное бедствие» [6, с. 89]; «*сил инкекё*» / «наказание ветра» [4, с. 13; 6, с. 63].

Установление исходных и эвфемистических названий МП оказывается для исследователя затруднительным. Потому как эвфемистическое имя подчас само начинает нуждаться в замене. Так, в фольклорных текстах чувашей нами выявлены случаи замены *Инкек* словами *Йёк / Йёп*. Ср. «*Йёк ура айёнченех тухать*» [13, с. 59]. / «*Йёк выходит из-под ног*». В формуле заклития: «*Сёр суралса йёк тухтәр!*» [2, с. 113]. / «Пусть земля треснет и выйдет йёк». В сиротской песне наблюдаем использование *йёп*:

«Пуян ачи үснё чух
Сёр суралса мул тухать.
Тәлах ачи үснё чух
Сёр суралса йёп тухать» [11, с. 169].

«Когда растёт дитя богача,
Земля трескается и богатство выходит.
Когда растёт дитя-сирота,
Земля трескается и йёп выходит».

Замена *Инкек* словами *Йёк / Йёп* наблюдается и в похоронном обряде. Так, во время погребения усопшего чуваша, по данным словаря Н. И. Ашмарина, говорят: «Унтан, икерчё пишсен, хывса тәкаççё те, тупак патне пырса, сасә калараççё; йёп пек сёр суралчё, йёп тухрё, сан телёнтен кун пётрё, тесе» [2, с. 128]. / «Потом, как блины приготовятся, поминают и, подходя к гробу, начинают причитать; треснула земля, вышел йёп, для тебя день закончился, говорят».

Ипостаси. По свидетельствам информаторов, образу *Инкек* приписывается преимущественно антропоморфный облик. В текстах нет ни одного образа *Инкек* с какими-то зооморфными чертами. В источниках также не говорится и о каких-либо телесных аномалиях.

Внешний вид. В фольклорных материалах не встречается детальное описание данного персонажа. Портретная характеристика опущена. Но есть единичное упоминание того, что он злой, бородастый старик [13, с. 152]. О семейности *Инкек* не сообщается обычно ничего, он появляется всегда один.

Атрибуты. Наличие какого-либо атрибута отрицается.

Взаимоотношения МП. Контакты данного МП с другими МП не являются характерными. Признаков какой-то иерархичности не наблюдается, кроме единичного источника. Ср. «*Инкек сўретекен*» / «производящий наказание», «водитель бедствий» [6, с. 80].

Генезис. *Инкек* может связываться с душами грешников, самоубийц, людей, умерших внезапной смертью, вдали от дома.

Локусы. Наблюдается локализация *Инкек* в сфере жилого пространства человека. Он поселяется в семьях и полностью разоряет человека. Часто его видят сидящим на печи. Но может привязаться к человеку и в пути.

Функции и предикаты. Для *Инкек* характерны прежде всего вредоносные, злокозненные функции. Поселившись в чьем-либо доме, он полностью разоряет человека. В архивных документах Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук сохранился текст с указанием на следующее действие персонажа: «*Инкек вӑл этем пурӑӑӑне начарлатса пурӑӑӑканскер. Вӑл кам та пулин кил-картине кӑрсен сынна вара пӑтӑмпах юлая хӑварать*» [8, ед. хр. 154, л. 6]. / букв. «*Инкек ухудшает человеческую жизнь. Если он поселится в чьем-либо доме/хозяйстве, человек полностью обнищает*».

Хотя в фольклорных текстах нет детального описания данного персонажа, но функции его в текстах, записанных у разных информаторов, совпадают. Дополнением к данным высказываниям служат: «*Инкек аллинчен хӑтӑлма хӑн*» / «Тяжко избежать рук *Инкек*»; «*Инкек килсен, чун та сунать*» / «С приходом *Инкек* и душа горит»; «*Инкекрен тарса хӑталаймӑн*» / «От *Инкек* не сбежишь»; «*Инкек лексен сын пусӑрӑнать*» / «*Инкек* придавливает человека» [12, с. 59].

Ритуалы изгнания. По поверьям чувашей, спастись от него можно было, лишь сбежав из дома, в который он поселился, и переселившись в другой. По утверждению информаторов, семья спаслась от *Инкек*, заманив его в мешок и утопив в колодце.

Инкеку приносили в жертву лошадь [1, с. 124]. В словаре Ашмарина приведен фрагмент наговора «*Шӑл суран чӑлхи*» / букв. «От зубной боли»: «*Сар качӑн шӑлне-сӑварне хӑсан та хӑсан хурт сирӑ, инкек сирӑ, савӑн чухне инкек ситӑр. 77 тинӑс уттинче сарӑ ту, сарӑ ту айӑнче сарӑ чул, сарӑ чул айӑнче сарӑ качӑ. Сарӑ качӑн шӑлне-сӑварне хӑсан та хӑсан хур сирӑ, инкек сирӑ, савӑн чуне инкек ситӑр, хурт ситӑр*» [Там же]. / «Зубы молодого парня, если когда-нибудь изгрызет червь, изгрызет инкек, пусть тогда инкек грызет. На 77 морских островах желтая гора, на подножье желтой горы желтый камень, под желтым камнем молодой парень. Зубы молодого парня, если когда-нибудь изгрызет червь, горе изгрызет, пусть тогда инкек изгрызет, червь изгрызет». Информатор утверждает, что *Инкек* является «хуртпа перекек усал» / «зло стреляющий червями».

Характерные занятия, действия, привычки. Обычно в народном представлении за конкретным мифологическим персонажем закрепляется определённый характер, он выполняет вполне конкретные функции, которые выделяют его из ряда ему подобных «существ». Очевидцы слышали, как *Инкек* ругается: «*Манран тарасӑе пулсан та, эпӑ вӑсенчен маларах ситӑп*» [13, с. 152]. / «Если даже сбегут от меня, я дойду раньше их», то есть нет смысла убежать, он обладает свойством опередить тех, к кому привязался.

Характеристика источников. Демонологическая лексика, связанная с данным персонажем весьма развита и широко представлена в произведениях целого ряда фольклорных жанров, которые традиционно определяются как поверья (ёненӑ), былички (тӑшмӑш халапӑ), песни (юрӑ), обряды (йӑла), пословицы и поговорки (ваттисен сӑмахӑ), наговоры (чӑлхе).

Таким образом, предпринятый анализ материалов, относящихся к разностороннему раскрытию образа мифологического персонажа *Инкек*, и некоторые частные наблюдения позволяют нам говорить, что данный персонаж, бесспорно, относится к низшей мифологии чувашей.

Список источников

1. Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка: в 17-ти т. Чебоксары: Чувашская книга, 1929. Т. III. 364 с.
2. Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка: в 17-ти т. Чебоксары: Чувашская книга, 1930. Т. V. 420 с.
3. Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Схема описания мифологических персонажей // Проблемы культуры: материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы (г. София, 30 августа – 6 сентября 1989 г.). М., 1989. С. 78-85.
4. Золотницкий Н. И. Корневой чувашско-русский словарь. Казань, 1875. 279 с.
5. Ильина Г. Г., Мышкина А. Ф. Фольклорно-мифологическое значение фитонимов в поэтике чувашских произведений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6 (60): в 3-х ч. Ч. 3. С. 29-32.
6. Магницкий В. К. Материалы к объяснению старой чувашской веры: собранные в некоторых местностях Казанской губернии. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1881. V+266 с.
7. Мышкина А. Ф., Яковлева О. Н. О некоторых фольклорно-мифологических и религиозно-мистических особенностях сознания чувашского народа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12 (54): в 4-х ч. Ч. 3. С. 135-137.
8. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I.

9. **Никольский Н. В.** Краткий чувашско-русский словарь. Казань: Центральная типография, 1919. 336 с.
 10. **Федотов М. Р.** Этимологический словарь чувашского языка: в 2-х т. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. Т. 1. А-Р. 470 с.
 11. **Чăваш халăх сăмахлăхĕ:** 6 томлă. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1978. Т. 3. Юрăсем. 511 с.
 12. **Чăваш халăх сăмахлăхĕ:** 6 томлă. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1984. Т. 5. Вак жанрсем. 352 с.
 13. **Чăваш халăх сăмахлăхĕ:** 6 томлă. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1987. Т. 6. Мифсемпе халапсем. 448 с.

THE TRADITIONAL IDEAS OF THE CHUVASH PEOPLE ABOUT FOLKLORE CHARACTER INKEK

И'ina Galina Gennad'evna, Ph. D. in Philology
Myshkina Al'bina Fedorovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Cheboksary
galil69@mail.ru; alb-myshkina@mail.ru

Recently in the periodical press the articles, which are not always of a scientific nature, about the traditional beliefs of the Chuvash people, the ancient Chuvash pantheon and pandemonium have regularly appeared. In this connection, the authors think that the study of the conventional characters of the lower world in the Chuvash oral poetic creativity is very relevant. Within the framework of this research, the specific problem on the mystical and mythological ideas of the Chuvash people about the folklore character Inkek is covered.

Key words and phrases: mythological character; folklore character; malicious actions; exorcism rituals; loci; appearance.

УДК 821.161.1

Крымский текст занимает значительное место в поэтическом наследии Н. Н. Туроверова – белого офицера, донского казака-эмигранта первой волны. В статье изучаются особенности формирования крымского текста в первом сборнике стихов Н. Н. Туроверова «Путь» (1928). Материалом для статьи послужили крымские стихотворения, вошедшие в этот сборник: «Крым», «Отплытие» и «Перекоп». Автор подробно анализирует эти произведения, изучает их поэтику, выявляет культурно-исторические предпосылки возникновения крымского текста в творчестве Н. Н. Туроверова.

Ключевые слова и фразы: Крым; крымский текст; Н. Н. Туроверов; поэтика; лирический герой; эмиграция; литература русского зарубежья; донское казачество.

Кротова Анна Андреевна
Московский педагогический государственный университет
phaelivrin@mail.ru

КРЫМСКИЙ ТЕКСТ В СБОРНИКЕ Н. Н. ТУРОВЕРОВА «ПУТЬ» (1928)

На крымской земле развернулись самые трагичные для Белого движения события. Н. Н. Туроверов, будучи очевидцем крушения дореволюционного русского мира, отразил эту катастрофу исторически достоверно и поэтически ярко. Крымский текст лирики Н. Н. Туроверова воспроизводит события, коренным образом изменившие жизнь поэта и, несомненно, оказавшие колоссальное влияние на его творчество.

Термин «крымский текст» изучается в трудах А. П. Люсого, который доказывает, что на основе мифа Тавриды зародился «крымский текст»: «южный полюс петербургского литературного мифа» [4, с. 3]. Учёный прослеживает формирование «крымского текста» от истоков (возникновения в русской литературе крымской темы – «Корсунская легенда» о походе Киевского князя Владимира на Херсонес) до «поэтического Колумба»¹ Тавриды С. С. Боброва, творчества К. Батюшкова, А. С. Пушкина и др. поэтов XIX в. и «пушкиноборчества»² символистов. Крымский текст в творчестве писателей и поэтов-эмигрантов отличается ярко выраженной трагичностью, так как полуостров стал для многих из них последним пристанищем перед вынужденной эвакуацией. Упомянув некоторые стихотворения поэтов-эмигрантов, А. Люсий обращает внимание на мотив прощания как преобладающий.

Исследователи выявляли художественные особенности крымского текста, представленные в поэзии эмигрантов первой волны. Не осталось без внимания и творчество Н. Н. Туроверова. Так, Н. Б. Лапаева в статье «Мотив ухода из Крыма в поэзии русской эмиграции 1920-30-х годов» рассматривает семантический и аксиологический аспекты мотива «ухода из Крыма» в творчестве Н. Н. Туроверова, Б. Поплавского, В. Смоленского и др. В поэзии русской эмиграции 1920-30-х годов исследователь выявляет «существование «крымского дискурса»» [3], ядро которого образуют мотивы памяти, потери родины, расставания. В статье «Крымский топос в творчестве Николая Туроверова и Ивана Савина» З. Дубинец отмечает, что «в творчестве

¹ Выражение А. С. Люсого.

² Термин А. С. Люсого.